

Сбросив верхнее платье, император остался обнаженным по пояс.

Премьер-министр, низко опустив голову, невольно уставился на уже восставшую плоть государя, которая так натянула ткань нижних штанов, что сквозь нее отчетливо угадывались и внушительный размер, и форма.

Премьер-министр бросил на императора короткий взгляд, не зная, стоит ли продолжать раздевание, и в замешательстве спросил:

— Ваше Величество, нижние штаны...

Император словно оглох. Глядя лишь на полуоткрытые тонкие губы премьер-министра, он прильнул к ним в поцелуе, принимаясь медленно и нежно их вылизывать.

Премьер-министр часто заморгал и ухватился руками за талию императора — поджарую и сильную; скрытая в ней мощь, казалось, была готова взорваться в любой момент.

Тонкие губы смялись под напором, зубы разомкнулись, и император, словно ведомый инстинктом, проник языком внутрь. Их языки соприкоснулись, исследуя каждый укромный уголок.

Одной рукой император обхватил премьер-министра за плечо, прижимая к себе, а другой откинул ярко-красное одеяло с вышитыми драконами и фениксами, обнажая тело, которое его обладатель так долго скрывал.

Следом он одним быстрым движением стянул с него нижние штаны и прижал премьер-министра к постели, оказавшись с ним лицом к лицу, кожа к коже, переплетаясь ногами.

Повалив его на ложе, император разорвал поцелуй. Когда они отстранились друг от друга, между их губами протянулась тонкая ниточка слюны — неясно чьей, ставшей прозрачным связующим звеном.

Премьер-министр, прикрывший было глаза, снова приоткрыл их. Взгляд его затуманился, он выглядел потерянным и отрешенным.

Колонна! Где моя колонна?! Дайте мне прийти в себя!

Император коснулся лица премьер-министра. Ясные глаза, пленительный взгляд — истинный красавец от рождения.

Губы государя двинулись ниже, запечатлев легкий поцелуй на кадыке, и продолжили путь к молочно-белой груди. Каждый дюйм кожи, которого он касался, окрашивался в ярко-алый цвет.

Он создавал атмосферу близости шаг за шагом.

Внимание императора привлекли «алые бутоны на тонком снегу». Он начал дразнить их, то и дело касаясь кончиком языка самой сердцевины и наблюдая, как та медленно твердеет и начинает мелко подражать дрожи тела.

Стоило императору слегка прихватить губами сосок, как долго сдерживаемое желание в купе с жаром от вина из пантов оленя эхом отозвалось в сознании премьер-министра.

Он поднял руку, прижимая ладонь к затылку императора, чувствуя, как его плоть покусывают,

лижут и преследуют, не желая оставлять в покое.

Он хотел, чтобы император остался здесь, хотел, чтобы он проявил милость к другому месту, и в то же время желал, чтобы тот ушел и перестал его мучить.

— Щекотно... не надо...

Император, повинаясь его просьбе, оставил это место и вернулся к губам, забавляясь с уголками рта.

Он отвел тонкую белую руку премьер-министра, которой тот пытался прикрыть глаза, вниз, к его паху. Другой рукой он коснулся возбуждения своего министра.

Император глянул вниз: размер был достойный взрослого мужчины, но кожа казалась еще белее; плоть была слегка вздернута вверх от ласк императора.

Император обхватил свой корень вместе с корнем премьер-министра, направляя руку своего избранника так, чтобы тот сжал их оба, а затем, накрыв его ладонь своей, начал двигаться вверх-вниз.

Премьер-министр послушно следовал воле государя, лаская оба мужских достоинства.

С одной стороны, он пребывал в туманном блаженстве от подступающего пика, а с другой — невольно сокрушался, что он в этом деле явно уступает правителю страны.

Спустя неизвестно какое время премьер-министр не выдержал и первым излился.

Но император не отпускал его: «Раз я еще не кончил, как ты можешь отдохнуть?!»

Впрочем, он не стал быть слишком настойчивым и, оставив в покое обмякшую плоть премьер-министра, продолжил двигать его рукой по своему стволу, то и дело задевая бедра партнера.

Он видел, как тот медленно приходит в себя после недавнего экстаза и как его лицо постепенно заливают краска стыда.

Прошло немало времени, и когда рука премьер-министра уже затекла от напряжения, император наконец излился мощным потоком. Он припал к груди партнера, тяжело и прерывисто дыша.

Хоть государь и выглядел поджарым, весь вес взрослого мужчины навалился на премьер-министра. Тому стало трудно дышать, и он слегка толкнул императора в грудь, прося подняться.

Император откинулся рядом. Спустя время, за которое успела бы догореть половина ароматической палочки, он снова перевернулся, навис над премьер-министром и, вновь обхватив их достоинства, зашел на второй круг.

Премьер-министр смертельно устал.

Почему эта прелюдия такая долгая...

У императора еще были силы.

Видя, что премьер-министр зажмурился и не желает открывать глаз, он встал с кровати, взял

чистый белый платок и вытер беспорядок из их общих соков внизу.

Затем он снова лег в постель, обнимая нагого премьер-министра и наслаждаясь соприкосновением тел. Император уткнулся лицом в шею партнера, осыпая ее мелкими поцелуями, но в душе всё еще чувствовал неудовлетворенность.

Держа красавца в объятиях, император снова начал исследовать его тело руками. Когда он вновь принялся потирать его сосок, премьер-министр вяло отпихнул его руку и пробормотал:

— Ваше Величество, подумайте дважды...

Колонны рядом не было, но навык устных увещеваний никуда не делся.

«Шепот на подушке» оказался куда действеннее угроз самоубийством.

Императору ничего не оставалось, кроме как лежать под одеялом и вести душевные беседы, пока его «колонна» упиралась премьер-министру в бедро.

В конце концов, премьер-министр не выдержал, поднял голову и озвучил терзавшее его сомнение:

— Ваше Величество, а почему вы сегодня не идете «с тыла»?

Неужели император пожалел его, видя, как тот утомился после дневных ритуалов?

Император поцеловал красавца в обнаженное плечо и переспросил в полном недоумении:

— С какого еще «тыла»?

<http://bllate.org/book/17312/1620386>